

ДА БИ СИ
ПЪЕР

ДИ БИ СИ
ПЪЕР

**ВЕРНОН
ГОСПОДИ
ЛИТЛ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
Д44

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

DBC Pierre
VERNON GOD LITTLE

Перевод с английского *В. Михайлина*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Печатается с разрешения Conville&Walsh Ltd.
и Synopsis Literary Agency.

Книга содержит нецензурную брань

Ди Би Си, Пьер.

Д44 Вернон Господи Литтл : [роман] / Ди Би Си Пьер ;
[пер. с англ. В. Михайлина]. — Москва : Издательст-
во АСТ, 2019. — 416 с. — (Чак Паланик и его бойцов-
ский клуб).

ISBN 978-5-17-115932-0

В маленьком провинциальном городке Техаса произошла тра-
гедия: подросток расстрелял своих одноклассников. Случайного
свидетеля массового убийства, Вернона Г. Литтла, полиция немед-
ленно привлекает к делу, стремясь доказать его соучастие в престу-
плении. Так начинаются его злоключения...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(8Авс)-44

© DBC Pierre, 2003
© Перевод. В. Михайлин, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Действие 1
По самое мое

В Мучению жара смертная, но от утренних газет на пороге тянет холодом — такие в них новости. Ни за что не догадаетесь, кто всю ночь со вторника на среду простоял посреди дороги. Отгадка: старая сраная миссис Лечуга. Трудно сказать, пробрала ее предутренняя дрожь или неровный свет от фонаря над крылечком сквозь листья ивы и тучу мошкары играл на ее коже, как шелковый саван в надвигающейся буре. Во всяком случае, при свете утра между ног у нее обнаружилась лужица. В обычное время это был бы недвусмысленный сигнал: надо рвать из города когти, и чем быстрее, тем лучше. Может, и насовсем. Видит бог, я искренне пытался понять, что к чему в этом мире; мне даже случалось испытывать смутные предощущения насчет того, что нам суждено просиять и прославиться. Но после всех этих событий и предощущать больше нечего. В том смысле, что дальше просто *некуда*.

А сегодня уже пятница, и я у шерифа в кутузке. Похоже на пятницу в школе или еще что-нибудь в этом роде. Школа — тьфу, блядь, даже не напоминайте мне про школу.

Сижу и жду промеж лучами света из выстроенных в рядок дверных проемов, голый, как перст, если не считать ступарей и вчерашнего белья. Такое впечатление, что я — единственный, кого они пока успели загрести. Не то

чтобы я и в самом деле в чем-то таком был замешан, не поймите меня неправильно. К тому, что случилось во вторник, я не имею никакого отношения. Но ситуация от этого приятней не становится. Как тут не вспомнить Кларенса Какматьеготамзвали, ну, в общем, этого черного, про которого трындели в новостях всю прошлую зиму. Психа, который клевал носом перед камерой вот в этой же самой обшитой деревом комнате. И в новостях говорили, вот, значит, насколько ему пофигу, какую память он по себе оставит. А под памятью, которую он по себе оставит, они, судя по всему, имели в виду рубленые раны. Топором. А старина Кларенс Хуйзнаеткакогофамилия был бритый наголо, как боров, и одет был во что-то вроде пижамы, ну, как дуриков в психушке одевают, и в очках пузырями, как у людей, у которых во рту все десны, десны, а зубов — как грибов, то есть, в смысле, ищите и обрящете. В зале суда они для него соорудили специальную такую клетку. А потом приговорили к смертной казни.

Сижу и смотрю на собственные «найки». «Джордан Нью Джекс», между прочим, не хрен собачий. Пытался их чуть-чуть образить собственной слюной, но хули смысла, если я все равно сижу тут голый. И пальцы липкие. Эти чернила даже в Армагеддоне не сторят, зуб даю. Только и останется в мире, что тараканы и эти вот ебанные чернила для отпечатков пальцев.

В темном конце коридора набухает огромная тень. А следом — ее обладатель. То есть обладательница. Идет в мою сторону, и в полосах света становится видно, что в руках у нее — картонная коробка из фастфуда «Барби-Q», пакет с моей одеждой и телефон, в который она пытается на ходу говорить. Медлительная потная баба, и морденка в кучку посреди обширной жирной хари. Даже в форме сразу ясно, что это Гури. За ней в коридор пыта-

ется выйти еще какой-то в форме, но она ему машет, чтоб, в смысле, не суетился лишнего.

— Дай мне снять предварительные показания, а когда нужно будет составлять протокол, я тебя позову.

Она опять заглывает телефон и прочищает горло. И переходит на ультразвук.

— Гх-ррр, а я и не говорю, что ты тупой, я просто объясняю, что с точки зрения стасс-тисстики занятия по спецтехнике и тактике могут снизить число потенциальных потерь.— Тут она совсем срывается на визг, и коробка от «Барби-Q» падает на пол.— Ланч упал,— хрюкает она в трубку и нагибается.— Да нет, только салат, немножко — госссподи ты боже мой.

Она замечает меня и отключает трубку.

Я наостряю уши, на случай если вдруг за мной приехала мать; нет, не приехала. Я так и знал, что не приедет, вот какой я умный. А все-таки ждал, вот какой я сраный гений. Вернон Гений Литтл.

Она кидает мне на колени пакет с одеждой.

— Давай шевелись.

Ну и бог с ней, с мамашкой. Будет теперь мотаться по городу в поисках сочувствующих душ, это она умеет. «Вы знаете, Верн от всего этого просто сам не свой». Слышу, слышу. Верном она меня называет, только когда треплется со своими подружками за утренним кофе, чтобы, типа, показать, какие мы с ней неразлейвода, хотя на самом деле ловить тут давно уже нечего. Если бы мамаш продавали с инструкциями по эксплуатации, то у моей в самом конце этой тоненькой книжечки было бы черным по белому написано: а теперь пошли ее на хуй. Зуб даю. Последняя собака в городе знает, что во всем, что было во вторник, виноват Хесус; но вы мою мамашку видели? Одного того, что я даю показания по уголовному делу, ей хватит, чтобы заполнить какой-нибудь ебанный синдром

Турели, или как там это называется, когда человек начинает размахивать руками и не может остановиться.

В комнате, куда она меня сопровождает, стол и два стула. Окна нет, и только на внутренней стороне двери фотография моего друга Хесуса. Мне достается тот стул, что погрязнее. Одеваясь, я пытаюсь представить, что сейчас — прошлые выходные; просто обычные, ничего не значащие ржавые минуты, которые сочатся в город по капле сквозь кондиционеры со сломанными регуляторами; спаниели пытаются напиться из автополивалонок и вместо глотка воды получают струей в нос.

— Вернон Грегори Литтл? — Она предлагает мне поджаренное на гриле ребрышко. Но предлагает как-то в полдуши, и, чес-слово, увидишь один раз все ее подбородки и как они колышутся над этим ребрышком — и уже никакой кусок в горло не лезет.

Она бросает мое ребрышко обратно в коробку и выбирает себе другое.

— Гх-ррр, давайте начнем сначала. Ваше обычное местожительство — дом номер семнадцать по Беула-драйв?

— Так точно, мэ.м.

— Кто еще там живет?

— Никого, только моя мать, и все.

— Дорис Элеанор Литтл?

Соус барбекю капает на ее табличку с именем. Под каплей соуса надпись: «Помощник шерифа Вейн Гури».

— И вам пятнадцать лет от роду? Трудный возраст.

Она что, блядь, шутки тут шутит? Мои «Нью Джекс» трутся друг о друга в поисках моральной поддержки.

— Мэм, это у нас с вами надолго?

Глаза у нее на секунду делаются большие-пребольшие. А потом суживаются в щелочку.

— Вернон, у нас речь идет о соучастии в убийстве. И займет это ровно столько времени, сколько потребуется.

— Да, но...

— Только не говори мне, что ты знать не знал этого юного мексикоса. И не пытайся меня уверить, что ты не был едва ли не единственным его другом. Даже и думать об этом забудь.

— Мэм, я только хочу сказать, что наверняка должна быть еще масса свидетелей, которые видели гораздо больше, чем я.

— Да что ты говоришь? — Она оглядывается вокруг. — Что-то я больше никого здесь не вижу — а ты?

И я, как полный дебил, начинаю тоже вертеть башкой по сторонам. Н-да. Она перехватывает мой взгляд, смотрит пристально.

— Мистер Литтл, вы вообще-то понимаете, почему вы здесь очутились?

— Вообще-то догадываюсь.

— Ага. Тогда позвольте мне объяснить вам, что в мою задачу входит обнаружение истины. Прежде чем вы успеете подумать, что это будет не так-то просто сделать, я напомню вам о том, что с точки зрения стасс-тисстики жизнью в этом мире управляют всего две основные силы. Вы можете назвать две основные силы, которые стоят за всем, что только есть в этой жизни?

— Ну, богатство и бедность.

— Нет, не богатство и бедность.

— Добро и зло?

— Нет — причина и следствие. И прежде чем мы перейдем к делу, я хочу, чтобы вы назвали мне две основные категории людей, населяющих наш мир. Вы в состоянии назвать две упомянутые выше категории людей?

— Причинщики и следователи?

— Нет. Граждане — и лжецы. Вы следите за моей мыслью, мистер Литтл? Вы вообще-то здесь?

Типа того. Мне очень захотелось сказать: «Нет, я на озере с твоими ебаными дочками», но не сказал. Насколь-

ко мне известно, у нее даже и дочек-то никаких нет. Все, теперь целый день буду думать, что нужно было ей ответить. Блядский род.

Помощник шерифа Гури отрывает от косточки полоску мяса; и оно, поболтавшись в воздухе, исчезает у нее между губами, как говно, если пленку пустить задом наперед.

— Надеюсь, вам известно, что такое лжец? Лжец — это психопат, человек, который закрашивает серым промежутки между черным и белым цветами. И я просто обязана дать вам совет — не нужно серого. Факты есть факты. Или они превращаются в ложь. Следите за моей мыслью?

— Да, мэ.

— Очень на это надеюсь. Вы помните, где вы были во вторник утром, в четверть одиннадцатого?

— В школе.

— А какой именно в это время шел урок?

— Ну, математика.

Гури опускает косточку, чтобы повнимательней меня рассмотреть.

— А не помните ли вы тех существенно важных фактов, которые я только что изложила вам насчет черного и белого?

— Я же не сказал, что был на уроке...

Стук в дверь: только он и спасает мои «найки» от короткого замыкания. В комнату вваливается нечто деревянное в прическе.

— Вернон Литтл здесь? Ему звонит мать.

— Хорошо, Эйлина.

Гури бросает в мою сторону взгляд, смысл которого ясен без слов — не расслабляйся, — и указывает костью на дверь. Я иду за деревянной теткой в приемную.

Блядь, как я был бы счастлив, если бы это звонила не моя старуха. Между нами: иногда мне кажется, что, едва успев меня родить, она воткнула мне в спину здоро-

венный такой тесак, и теперь стоит ей хоть слово произнести — и нож проворачивается у меня в спине. А теперь и отца больше нет, делиться болью не с кем, и хуев ножик режет еще того глубже. Когда я выхожу в приемную и вижу телефон, голова сама собой уходит в плечи и челюсть на сторону. Ебать мой род, если я слово в слово не знаю, чего она сейчас мне скажет, эдак на всхлипе, мол, бейте меня, режьте меня. «Вернон, с тобой все в порядке?» Вот, зуб даю.

— Вернон, с тобой все хорошо?

— Все путем, ма.

И голос у меня выходит какой-то тихий и придурковатый. То есть как-то само собой получается, что я пытаюсь не дать ей впасть в жалостный тон, вот только действует это на нее как кошка на ебливую шавку.

— Ты сегодня ходил в ванную?

— *T'твою...* Ма-ам...

— Ты же сам прекрасно знаешь, что тебе нельзя... ну, из-за этого твоего недомогания.

Нет, она позвонила не для того, чтобы поработать ножиком, она позвонила, чтобы его вынуть, а вместо него вставить пику или еще какую-нибудь ебитскую силу. Вообще-то вам об этом знать необязательно, но когда я был маленький, ребенком я был, ну, как бы это сказать, непредсказуемым, что ли. По крайней мере, насчет протраться. Бог с ними, с этими говенными деталями, но матушка моя никак не могла пройти мимо этакой радости и всякий раз спешила смазать ножик моим же собственным дерьмом — ну, просто чтобы жизнь лишней раз не казалась мне медом. Однажды она даже написала об этом моей учительнице, у которой и у самой был припасен на мой счет целый арсенал, и эта сука не преминула сказать все как есть перед всем как есть классом. Представляете, да? Я чуть и в самом деле не урался от счастья, прямо на месте. А последние несколько дней я на этом ножике

верчусь, как чембурек на шампуре, как ебанный шашлык в говенном соусе.

— Ну, сегодня утром у тебя же не было на это времени,— говорит она в трубку,— вот я и подумала, а вдруг ты — ну, сам понимаешь...

— Все хорошо, правда.

Я стараюсь быть вежливым, а не то она тут же угостит меня целым золингеновским набором, сверкающая, сука, радость на вашей блядской кухне. Вот уж попал так попал.

— А что ты сейчас делаешь?

— Слушаю помощника шерифа Гури.

— Лу-Делл Гури? Тогда ты ей скажи, что мы знакомы с ее сестрой Рейной, по «Часовым веса».

— Это не Лу-Делл, ма.

— Если это Барри, то, ты сам знаешь, Пам видится с ним по два раза в месяц, по пятницам...

— И не Барри. Мам, мне пора.

— Ну, в общем, машину еще не починили, а я еще затеяла печь радостные кексы для Лечуг, полную духовку, и мне нужно их не упустить, так что, наверное, Пам тебя заберет. И еще, Вернон...

— Ну?

— В машине сиди прямо, не сутулься — в городе столько журналистов с камерами.

У меня по позвоночнику побежали пауки с велькровыми* лапками. Серые пятна, они на видео не видны, сами знаете. А когда говно начинают разгребать на черную и белую стороны, посередке тоже пахнет не слишком приятно. Только не поймите меня неправильно, я не хочу сказать, будто я действительно в чем-то виноват. Я на сей счет спокоен, как танк, усвоили? И сквозь печаль

---

* «Велькро» — название компании, производящей застежки-липучки и, соответственно, самих липучек. (Здесь и далее прим. перев.)

мою просвечивает полное спокойствие духа, проистекающее оттого, что я знаю: добро в конце концов побеждает. Всегда. Почему в кино всегда все кончается классно? Потому что кино подражает жизни. И вы об этом знаете, и я об этом тоже знаю. А вот моя старуха ни хуя об этом не знает, и пиздец.

Я тащусь через холл к своему не слишком чистому стулу.

— Мистер Литтл, — говорит Гури, — давайте-ка начнем все сначала. Иначе говоря, я хотела бы прояснить для себя кое-какие факты. Вот шерифу Покорней ничего насчет вторника прояснять не нужно, ему и так все ясно, так что благодарите бога, что мы с вами беседуем наедине.

Она тянется было к своему перекусону, но в последнюю секунду кладет руку на кобуру.

— Мэм, я был с другой стороны от спортплощадки, я даже не видел, как оно все случилось.

— Вы же сказали, что были на математике.

— Я сказал, что в это время шла математика.

Она смотрит на меня эдак искоса.

— Вы что, занимаетесь математикой за спортплощадкой?

— Нет.

— Тогда почему вас не было на занятиях?

— Мистер Кастетт дал мне поручение, и я, типа, ну, в общем, слегка задержался.

— Мистер Кастетт?

— Наш учитель по физике.

— Он что, и математику тоже преподает?

— Нет.

— Гх-ррр. Знаете, в этой части картины у нас выходит сплошной серый цвет, мистер Литтл. Просто *чертовски* серый.

Вы даже представить себе не можете, как иногда хочется стать Жан-Клодом Ван Даммом. Засунуть эту сра-